Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IV (XVIII)
Международной конференции молодых ученых
(20–22 апреля 2017 г.)

Выпуск 18

Том 2. Литературоведение

Издательство Томского университета
2017

мёртв – «его больше нет с нами, он внезапно скончался»[6]. И.И. Московкина предлагает следующую трактовку финала романа: композиция отражает «эволюцию героя-рассказчика от Сатаны к Демону, а затем к Человеку и, наконец, к Христу»; в финале «герой поднимает бунт против своего лика Христова… значит ли это, что, отвергнув Христа, герой вновь превратился в Сатану? <…> Думается, что нет <…> Оставаясь человеком, герой перешел в какое-то новое состояние…»[7].

На смерть героя указывают как оборванность романа, так и последние записи: «…это было месяц назад, когда Фома Магнус взорвал (выделено нами – О.К.) меня»[8]. Глагол «взорвать» может означать либо физическое действие (‘разрушить что-либо взрывом’), либо духовное (‘резко изменить что-то, вызвать значительное потрясение’). Нам кажется наиболее правомерным следующее толкование: пройдя путь Христа, Сатана был взорван Магнусом – и взорван физически. Телесная оболочка князя Ада мертва, но его дух не потерял былой мощи, и, как показывают записи, вочеловечился в новое тело: «…давно не писал, и мне снова надо привыкать»[9]. Он уже не Сатана и не Христос, но кто он теперь – вопрос остаётся открытым.

---

[1] Андреев Л. Н. Дневник Сатаны / Л. Н. Андреев. – М.: Азбука-классика, 2004. – С. 5.
[2] Там же. С. 102.
[3] Там же. С. 38.
[4] Там же. С. 208.
[5] Там же. С. 249.
[6] Там же. С. 208.
[7] Московкина И. И. Между „pro” и „contra”: координаты художественного мира Леонида Андреева: монография. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2005. – С. 233-259.
[8] Андреев Л. Н. Дневник Сатаны / Л. Н. Андреев. – М.: Азбука-классика, 2004. – С. 208.
[9] Там же. С. 207.

Назаренко И.И., ТГУ, студент
Nazarenko I.I., TSU, student

Мотив распада атома в творчестве Г. Иванова

The Motif of Atomic Decomposition in G. Ivanov’s Works

Рассматриваются формы реализации мотива распада атома на разных уровнях художественной структуры поэмы в прозе «Распад атома» и развитие этого мотива в поздних стихах Г. Иванова. Исследование дополняет существующие представления о семантическом диапазоне мотива распада атома в творчестве писателя.

This article analyses the forms in which the motif of atomic decomposition appears at different levels in the text structure of the prose poem “Atomic Decomposition” and the development of this motif in the late period lyrics of G. Ivanov. The study complements the existing ideas about the semantic range of the motif of atomic decomposition in the writer’s works.

Ключевые слова: Г. Иванов, «Распад атома», мотив, лирический герой.
Key words: G. Ivanov, «Atomic Decomposition», motif, lyric hero.
Научный руководитель: Сваровская Анна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент.

Первая половина XX в. – время социальных катастроф, кризиса культуры и новых естественнонаучных знаний, изменивших представления о мире. Название одного из крупнейших открытий XX в. – распада атома – выносится в заглавие поэмы в прозе Г. Иванова («Распад атома», 1938) и становится ее основным мотивом. Исследователи отмечают, что в произведении «наряду с физическим атомом распадается и атом человеческой души. “Распад атома” у Г. Иванова становится как бы двойным синонимом смерти – и мгновенной телесной и медленной духовной»[1]. Думается, однако, что мотив распада атома имеет более широкий семантический диапазон в творчестве Г. Иванова. В поэме распад раскрывается в двойном статусе: как независимый от воли человека закон реальности и как реакция на него человека.

Распад атома – это естественнонаучная метафора внутреннего состояния лирического героя, его самоотчуждения. Одна из форм самоотчуждения – отсутствие имени. В поэме герой (как субъект и как объект описания) представлен местоимениями «я». С одной стороны, это знак типизированности: «я» – обобщённый образ русского эмигранта, человека 30-х годов XX века. С другой стороны, это знак отсутствия индивидуальности, части человеческой сущности. Лирический герой – «не Линдберг, не Чаплин, не Монтерлан» – он не имеет имени и не вписан в историю.

Тем не менее, в начале поэмы лирический герой всё ещё имеет собственное «я». Он отгораживается от окружающего мира, уходит в своё «я», где «законы жизни тесно переплетены с законами сна». Последовательность эпизодов поэмы воссоздает процесс распада, утраты «я». В тексте это отмечено снижением частотности употребления местоимения: с 1 по 12 эпизод «я» встречается 79 раз, а начиная с 13 эпизода, количество местоимений «я» резко сокращается. В некоторых эпизодах повествовательная ситуация с 1-го лица переключается на 3-е: возникают местоимения «он». Герой преодолевает субъективизм своего сознания, анализирует себя, но в то же время теряет своё «я», распадается в окружающем его «мировом уродстве». Появляется градационный ряд номинаций лирического героя: «Человек, человечек, ноль…», маркирующих самоотчуждение и иллюзорность существования (несуществование) героя.

Другая номинация лирического героя – это собственно «атом»: «…огромная духовная жизнь разрастается и перегорает в атоме, человеке, внешне ничем не замечательном, но избранном, единственном, неповторимом». Источник избранничества и неповторимости лирического героя – «атом» его души. Но она в состоянии хаоса и распада, уподобляется помойному ведру: «…душа, как взбаламученное помойное ведро – хвост селедки, дохлая крыса, обгрыз-

ки, окурки…». Разрушительная энергия внутреннего хаоса героя соотносима с радиацией, выделяющейся при распаде атома: «Но внутри, под непроницаемым ядром одиночества, бесконечная нелепая сложность, страшная взрывчатая сила…». Эта сила не находит выхода, замыкается на нём самом и лишь катализирует процесс распада.

В 14 эпизоде распад атома из самопроизвольного процесса становится как бы процессом искусственным, как расщепление атомов физиками: «Атом неподвижен. Он спит. <…> Но если его ковырнуть. Пошевелить его спящую суть. Зацепить, поколебать, расщепить». Однако какие силы ответственны за распад лирического героя в мире поэмы – божественные или дьявольские – неясно. Состояние аннигиляции души становится экзистенциальным пробуждением героя, выходом из сонного, аморфного существования. Он начинает видеть, что происходящие с ним процессы распада охватывают пространство и время окружающего его мира: «Все рвется, ползет, плавится, рассыпается в прах – Париж, улица, время, твой образ, моя любовь». Несмотря на свою ничтожность, герой равновелик этому пошлому, прозаическому, распадающемуся миру, неразрывно связан с ним. Распадается и личность героя. В 16 эпизоде он с помощью воображения перемещается в гоголевский Петербург, где перевоплощается в Башмачкина. В финале лирический герой «распадается» и физически. После своего единственного в поэме контакта с другим человеком, проституткой, соприкоснувшись с «мировым уродством», он ощущает себя как его частицу. Осознав невозможность физического спасения, он лишает себя жизни.

С распадом атома соотносима и концепция истории в поэме: это линеарный процесс, высвобождение под влиянием внешних причин (таких, как Первая мировая война) изначально заложенных разрушительных сил, ведущих к тотальной деградации, распадению культуры и цивилизации.

Опубликовав «Распад атома», Г. Иванов прекращает писать стихи, как бы осознав невозможность борьбы с окружающим распадом. К стихам он возвращается только в 1943 году. Мотив распада атома из поэмы переходит в его поэзию 1940-50-х годов. Он появляется в финале стихотворения «Я за войну, за интервенцию», фиксируя момент вознесения души: «Сверкнет над русскими снегами / Богами расщепленный атом». Это отсылка к финалу «Распада атома», где герой, лишив себя жизни, возносится к вечности. Кроме того, указывается, что ответственность за распад отдельного человека, «атома» лежит на высших силах, богах, управляющих миром. В стихотворении «Не станет ни Европы, ни Америки…» «атомическая истерика» связана с всеобщей человеческой болезнью, безумием. Она является метафорой тотального распада – ядерной войны: «Припадок атомической истерики / Все распылит в сияньи синевы». Распад становится свершившимся фактом, и в постапокалиптичной картине Вселенная возвращается в своё первоначальное водное состояние. В финале появляется образ Бога, безразличного к своему творению даже во время его самоуничтожения. В третий раз мотив распада атома возникает в стихотворении «Распыленный

мильоном мельчайших частиц». Сюжет его воссоздает состояние физического уничтожения лирического героя (расщеплён на отдельные атомы) и превращение мира в пустоту, вакуум, эфир: «В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире, / Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц…». Но остаётся отражение лирического героя (его душа), переместившееся в инобытие, где распад преодолим. Это инобытие, как своеобразный рай, материализуется в образе Петербурга, где лирический герой вновь встречается со своей возлюбленной.

Таким образом, распад атома в одноимённой поэме Г. Иванова является метафорой неостановимых процессов распада лирического героя, окружающего его мира, истории и культуры. Этот мотив развивается и в поэзии, где появляется возможность преодоления распада в инобытии.

---

[1] Крейд В., Мосешвили Г. / Иванов Г. В. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2. Проза. – М.: «Согласие», 1993. – С. 443.

Шаламатова Е.О., КемГУ, магистрант

Shalamatova E.O., KemSU, a candidate for a Master's degree

Диккенсовский претекст в стихотворении Б. Пастернака «Январь 1919»

Dickens' pretext in the Poem «January of 1919» by B. Pasternak

В статье выявляется связь творчества Б. Л. Пастернака и Ч. Диккенса через конкретный поэтический текст. Обращение Б. Л. Пастернака к английскому литературному наследию открывает новую грань в изучении творчества поэта и в развитии русско-английских литературных связей.

It explores Pasternak's appeal to Dickens. The highlighted trend enroots Pasternak's place in the world poetry and reveal a new shade in studying his work which reflects the development of the dialogue between Russian and English literature.

Ключевые слова: Пастернак, Диккенс, Англия, поэзия.

Key words: Pasternak, Dickens, England, poetry.

Научный руководитель: Н.В. Налегач, д-р филол. наук, профессор.

Стихотворение «Январь 1919» вписано в книгу стихов «Темы и вариации» и принадлежит циклу «Болезнь». В «Темах и вариациях» всего шесть циклов, где цикл «Болезнь» располагается третьим по счёту. Его срединное положение актуализирует тему пограничного состояния – переломного события, рубежа. Поэтика заглавия цикла «Болезнь» говорит о переходном положении лирического героя, жизнь которого делится на два этапа: до «болезни» и после «болезни». Таким образом, цикл являет собой кульминацию книги «Темы и вариации». Как отмечает К.В. Абрамова, «у Пастернака состояние «болезни» органично смыкается с другими ключевыми состояниями, запечатленными в книге: болезнь становится выражением творчества, вдохновения, любви»[1].